

**ТИПОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В КОНТЕКСТЕ АНТРОПОЛОГИИ ПРАВА:
ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА И ВОЗМОЖНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ
(Социально-философский анализ)**

Статья посвящена проблеме бытийных оснований права, его антропологических причин и истоков. Автор предпринимает попытку показать, что её решение предполагает выделение различных типов личности, человечества, цивилизаций в их отношении к праву, к его генезису. В этой связи он уточняет термин «право», показывает, что его применение оправданно только в строгом антропологическом контексте.

V. Pristenskiy

**TYPOLOGY OF MANKIND IN CONTEXT OF THE ANTHROPOLOGY
OF LAW: HISTORICAL RETROSPECTIVE AND POSSIBLE PROSPECTS**

The article is devoted to the problem of existential foundations of law, its anthropological causes and sources. The author makes an attempt to solve this problem in distinguishing of different types of an individual, mankind, civilizations regarding to law and its genesis. In this connection the author makes more precise the term «law» and claims that its application is worth using only in the strict anthropological context.

Чтобы провести типологию человека в контексте антропологии права, необходимо определить место человека в системе координат «право — неправо»¹, а для этого, в свою очередь, необходимо рассмотреть право в онтологическом

плане. В ходе такого рассмотрения становится ясно, что следует говорить не вообще о бытии права, а о его различных способах. Суть этого различия определяется «антропологическим характером» права. Право выступает как момент человеческого бытия и поэтому всецело детерминировано его параметрами.

В социокультурном аспекте эти параметры задаются типологическими различиями внутри человечества. Данные различия всё более четко фиксируются современной наукой. В ней всё более крепнет убеждение, что следует говорить не о единой общечеловеческой цивилизации, а о двух различных типах цивилизации — западном (гражданском, либеральном) и незападном (общинном, традиционном) и о соответствующих им различных, параллельно развивающихся ветвях и типах человечества, которые не могут, да во многом и не хотят воспринимать системы интересов и ценностные ориентации друг друга, что позволяет говорить о двух качественно различных формах социализации² или о двух различных способах социального бытия человечества, о двух альтернативных путях его развития, а в данном контексте — и о двух различных способах бытия права — западном и незападном.

Эти способы соотносятся между собой как актуальное бытие с потенциальным. Западный способ бытия права представляет собой его актуальное бытие, а незападный — потенциальное.

Данное различие имеет под собой субстанциальные основания. Чтобы их выявить, необходимо раскрыть онтологические основания генезиса права. На наш взгляд, эти основания с известной долей условности можно разделить на объективные (природные) и субъективные (антропологические). Объективные основания — это те, которые заложены в самой сущности человека как онтологического феномена, априори данные при-

родой человеку как особому виду — виду «*Homo sapiens*» («человек разумный»). Эти основания коренятся в разуме человека и указывают на потенциальную заданность человеку при рождении правовой сущности, правовых качеств и свойств. К этим основаниям относятся свобода как возможность человека отклоняться от природных императивов и самостоятельно строить собственную систему жизнедеятельности и нормативное начало в человеке как стремление и способность к упорядочению универсума, его организации в социум, к созданию правил поведения — социальных норм.

Однако, по нашему мнению, объективные основания выступают как необходимое, но недостаточное условие для генезиса права. Требуются также субъективные основания — то есть готовность, воля индивидов и образуемых ими народов к актуализации своей потенциальной правовой сущности, к завершению генезиса своей человеческой природы, к переводу права из возможности в действительность — его реализация в социальных отношениях.

Такого завершения генезиса человеческой природы, отмечал для своего времени (IV в. до н. э.) Аристотель, достигли лишь греки, другие же этносы (варвары), как люди с неразвитой (нравственно и умственно) природой, живут в дополитических и доправовых условиях деспотизма и рабства³.

Эту мысль Аристотеля актуализирует и развивает В. С. Нерсисянц, с которым в данном аспекте вполне можно согласиться. Действительно, древнегреческая (и, в целом, античная) протоправовая цивилизация стала основой для современной западной правовой цивилизации, в то время как спустя два с половиной тысячелетия многие люди и образуемые ими этносы еще так и не завершили, если следовать мысли Аристотеля, генезис

своей политической и правовой природы, не достигли высот того политического и правового общения, которое на современном языке называется правовым государством⁴.

Иными словами, субъективные (антропологические) основания генезиса права в полной мере обнаруживают себя только в социокультурном времени — пространстве Запада. В этом смысле именно западная цивилизация выступает как правопорождающая. В её основе лежит автономный тип личности, который остро и глубоко осознает свою изначальную свободу как ценность, стремится реализовать ее в социуме в форме права, то есть в виде системы социальных норм и поэтому становится субстанцией и детерминантой права. Право, таким образом, выступает как результат ментальности западного типа, с необходимостью предполагается западной социальной традицией, представляет собой логический момент создаваемой западным (автономным) типом личности антропосферы. Поэтому западную социальную традицию, приведшую к возникновению правового государства, можно рассматривать как способ актуального бытия права.

Незападные же народы в ходе своего развития не пришли (на своей собственной, внутренней основе) к правовым формам организации социальной жизни. В основе незападных цивилизаций лежит гетерономный тип личности (как проявление ментальности восточного типа)⁵, который сам себя не рассматривает как изначально свободное автономное существо и поэтому не становится субстанцией и детерминантой права.

Здесь из двух «правопорождающих» начал в человеке реализуется только второе (нормативное) начало. Идея свободы не соединяется с идеей нормативности, не реализуется в системе социальных норм. Незападный человек создает соци-

альные нормы «отдельно» от свободы, не наполняя их идеей естественной свободы личности. Поэтому эти нормы, хотя и выступают как юридические (законодательным образом регулируют отношения индивидов между собой и с государством), но не являются правовыми. Вследствие этого не вполне корректно устоявшееся применение термина «право» по отношению к незападным и дозападным нормативным документам и системам, в которых часто узаконено не право, а идущий от государства произвол. По нашему мнению, будет более оправданным применять к этим нормативам и системам термины «юридический» и (или) «легистский» («законоподобный»).

В силу вышеизложенного в рамках незападных социальных традиций право не возникает как эмпирическое (социальное) явление, оно существует лишь как возможность и не переводится в действительность, оно не становится актуальностью и существует лишь в сфере потенциального бытия. А с учетом того, что эта возможность реализована на Западе, она ставит незападные народы в некую ситуацию альтернативы, выбора (правового или неправового в своей сути) дальнейшего пути развития.

Парадокс этой ситуации заключается в том, что сами незападные народы до определенного момента не мыслят ее как альтернативу, «не подозревают» о подобной (правовой) возможности (как принципиально ином, отличающемся от их традиционного существования пути развития). Они осознают ее именно как возможность лишь после появления Запада (примерно XVII–XVIII вв.), явившего собой новую (правовую) действительность.

В данном контексте правовую диалектику возможности и действительности можно представить следующим образом. Возможность права возникает в мире вместе со свободой, а эта последняя —

вместе с человеком. Если до появления человека в бытии господствует необходимость в виде системы жестких природных зависимостей (природных законов, биологических инстинктов и т. п.), которым всё подчиняется, то с появлением человека в мир вторгается свобода. Человек одарен поразительным и уникальным свойством, принципиально отличающим его от всей окружающей действительности, — разумом. Благодаря разуму человек получает возможность «уклоняться» от «исполнения» природных «правил поведения», становится способен к самопроизвольным действиям и может, по выражению Канта, самостоятельно начинать ряд событий⁶. Он оказывается вне природной зависимости и обретает свободу, которая становится одним из главных факторов его жизнедеятельности.

Происходит своего рода инверсия, «перестройка» бытия, «перераспределение» в нём необходимости и свободы. Если до появления человека свобода «задавлена» необходимостью и присутствует в бытии как бы в латентной (скрытой) форме, то с его появлением она обнаруживает себя, «выходит на поверхность», «заявляет» о том, что безраздельное господство необходимости заканчивается.

Но возникшая свобода — это свобода, так сказать, в её первой степени, или первоначальная свобода. Она проявляется пока только в системе «человек — природа» и указывает на исчезновение природных препятствий для возникновения права, на его возможность в системе «человек — общество». Такая возможность права вначале (для первобытного, «догосударственного» человека) выступает лишь как абстрактная (формальная). Она указывает на то, что, получив определённую свободу по отношению к природе, человек получает и возможность «расширить» её до следующей степени — установить в отношениях

с себе подобными — в обществе, в форме права.

Для превращения абстрактной возможности права в реальную необходима особого рода ментальность. Такая ментальность, при которой человек осознаёт свою первоначальную свободу, считает, что его воля не определяется внешней (природной) причиной, не подчинена природной необходимости, хочет, чтобы и в новой (социальной) системе его воля не определялась никакой внешней причиной (будь то государство, другой человек и т. п.). Он стремится построить систему социальных отношений так, чтобы в них была реализована его изначальная («природная») свобода, его способность самостоятельного, самопроизвольного, независимого от внешней (теперь уже социальной) причины поведения.

Если люди (и образуемые ими народы) обладают подобной ментальностью, — возникает реальная возможность права, если — не обладают, возможность права остаётся абстрактной.

В течение долгого времени абстрактная возможность права не могла превратиться в реальную (была как бы «консервирована»), поскольку описанная выше («правовая») ментальность не возникла. Она возникла только с появлением древнегреческой цивилизации (VII–VI вв. до н. э.). Древние греки как носители нового типа ментальности первыми в мире осознали свою изначальную свободу и предприняли попытку реализовать её в социуме. Они создали один из главных компонентов права — правовую «вертикаль»: то есть такую систему регулирования отношений между властью и «рядовыми», подвластными субъектами, которая предполагает свободу и независимость граждан, признаёт их источником власти и, таким образом, фактически аннулирует традиционное деление социальных субъектов на «верхи» и «низы». Был введён новый (демократи-

ческий) способ сосуществования, взаимодействия и координации элементов социума, согласно которому «верхи» и «низы» утрачивают своё статичное, навечно закреплённое, незыблемое положение в социальном пространстве. «Верхи» начинают формироваться «низами» для обслуживания их интересов, становятся подконтрольными последним и превращаются в одну из социальных ролей, которую на основании закона может «получить» и «исполнить» любой представитель «низов». Создав демократию (эту невиданную ранее, принципиально новую для того времени систему государственного права), греки создали тем самым одну из главных «несущих частей» правового здания, его «направляющую», определили магистральное направление дальнейшего правового строительства.

Следующий шаг в этом направлении сделали древние римляне. Они продолжили «дело» греков и создали второй из главных компонентов права — правовую «горизонталь»: то есть такую систему регулирования социума, которая вообще не оперирует понятиями «верхи» и «низы», действует, «не взирая» на отношения «власти — подчинения», предполагает «равновеликость» граждан, их свободу и независимость как частных лиц, частных субъектов, частных собственников в отношениях друг с другом. Создав и доведя до совершенства систему частного права, римляне внесли свой вклад в начатый греками процесс «расширения» свободы в социуме и соответственно — в процесс формирования права.

Германские племена, пришедшие на смену античной цивилизации, во многом восприняли её культуру и, «вобрав» в себя греко-римскую ментальность («став» романо-германскими народами), двинулись в направлении, заданном греками и римлянами, — довели до логического завершения «расширение» свобо-

ды и тем самым достроили правовое здание — создали уже в новую эпоху правовое государство.

Благодаря наличию у античных народов субъективных оснований генезиса права (стремления к «расширению» свободы и волевой готовности добиваться этого) абстрактная возможность права превратилась в реальную, а затем при появлении определённых условий — возникновении этносов романо-германской группы — превратилась в новую (правовую) действительность.

Таким образом, изменение совокупности условий (к объективным условиям добавились субъективные) определило переход абстрактной возможности права в реальную, а эта последняя после серии произошедших на Западе так называемых буржуазных революций XVII–XIX вв. превратилась в правовую действительность.

Итак, абстрактная возможность права возникает уже с появлением первобытного человека, но только в условиях Запада она переходит в реальную и превращается в правовую действительность.

Для незападных же народов возможность права остаётся абстрактной возможностью вплоть до появления Запада. Лишь после этого, увидев её, познакомившись с западным образом жизни, политические, культурные, интеллектуальные элиты ряда незападных стран приходят к идее правового пути развития — оценивают возможность права для своих стран как реальную и провозглашают курс на построение правового государства. Однако опыт показывает, что диалектика возможности и действительности в её правовой «части» гораздо сложнее, чем это представлялось многим интеллектуалам. Правовая возможность при попытке превратить её в незападном мире в правовую действительность теряет «чистоту» процесса — возможность права превращается не в собственно право-

вую, а в квазиправовую действительность.

Для неё характерны следующие черты:

— юридический эклектизм — смешение правовых (воплощающих свободу личности) и неправовых (исключающих свободу) элементов в юридической системе;

— механическое копирование буквы западных правовых норм без усвоения в то же время и их особого («либерального», «антропоцентристского») духа;

— имитационность («подделка» под право) — законы текстуально выглядят как правовые, но правовым образом не работают: отсутствует механизм их исполнения, нет доброй воли и готовности к реальному проведению правовых норм в жизнь (причем, не только у власти, но и во многом у «рядовых» индивидов) и многое другое.

Это говорит о том, что незападное социокультурное пространство даже при объявленных правовых преобразованиях сохраняет неправовую инвариантность (неизменность), «хранит верность» своей прежней (традиционной, нелиберальной) сущности.

Социокультурную ситуацию, возникшую в мире с появлением Запада в контексте общей теории коммуникации⁷, можно представить как коммуникационное взаимодействие «Запад — Незапад»⁸. Запад выступил как отправитель информации о новых (либеральных) социокультурных стандартах (в том числе о праве), тем самым как бы бросив вызов всему остальному миру. Незападный мир оказался в ситуации получателя информации и решил ответить на вызов Запада перестройкой своих внутренних структур — модернизацией.

Правовой аспект модернизации состоит в том, что в процессе передачи информации о праве возникает так называемый шум (понятие теории коммуникации, означающее искажение информа-

ции) — право как оригинал-объект западного отправителя информации неадекватно переводится в мысли незападного получателя информации, поскольку западные «правопорождающие» идеи и ценности (свобода и автономия личности, индивидуализм и др.) «разбиваются» о незападные традиционные (гетерономные) ментальные структуры и искажаются. Ментальностью восточного типа эти идеи воспринимаются не как внутренние, выношенные и выстраданные ценности, а как внешние, привнесенные, «чужие» идеи, ценностями, по большому счету, не являющиеся. Все это, по нашей мысли, приводит к тому, что даже в ходе коммуникационного взаимодействия «Запад — Незапад», влияния западного способа бытия на незападный не происходит полной актуализации права в незападном мире. Если представить право как систему, то получается, что в незападном мире происходит усвоение не всей системы права, а лишь некоторых ее элементов, причем без их ценностного и смыслового содержания. По этой причине в части незападных стран, хотя официально и продекларировавших переход на западные правовые ценности (демократию, парламентаризм, идею естественных прав-свобод человека и т. п.), не происходит глобальной (принципиальной) внутренней правовой трансформации. В этих странах не возникает (по крайней мере, пока) правовое государство как система правового регулирования социальных отношений, действующая и по горизонтали (отношение «индивид ↔ индивид»), и, что более важно, по вертикали (отношение «индивид (общество) → государство»).

Западный (актуальный) и незападный (потенциальный) способы бытия права сопряжены с двумя противоположными подходами к праву и с соответствующими им типами правопонимания: западный — с антропологическим (антропоцентрист-

ским) подходом и либеральным типом правопонимания, а западный — с этатистским («государствоцентристским») подходом и легистско-позитивистским (императивистским) типом правопонимания. Согласно первому, право понимается в аспекте человека как экспликация личного начала, внутренне присущих ему нормативно-ценностных принципов (прежде всего свободы). Оно понимается как свобода, реализованная человеком в социуме. Согласно второму, право понимается исключительно в аспекте государства. С данных позиций государство первично по отношению к праву, логически и онтологически предшествует ему, а право производно от государства. Правом считается любой (независимо от содержания) формально-корректный акт государства, в частности любой закон. Понятие права определяется через понятие государства, а государство рассматривается в качестве исключительного источника и причины права (его субстанции и детерминанты). Свобода не рассматривается как исходная предпосылка жизнедеятельности человека, как нечто изначально и безусловно принадлежащее индивиду. Понятие права формулируется не через сопряжение со свободой как возможностью самоопределения, возможностью поступать согласно волеизъявлению, которое не определено (не навязано) внешними условиями, а фактически через сопряжение с противоположной свободой вещью — с необходимостью как невозможностью самоопределения, неизбежностью подчинения поступков внешним условиям, чужой воле.

Необходимость в контексте данной позиции воплощается в государстве, в издаваемых им законах, которым индивид обязан подчиняться, даже если они чужды его воле и интересам. А значит, смысловой акцент в понимании права смещается в сторону императивности (властной общеобязательности), прину-

ждения, исходящего от государства. Право отождествляется с системой государственных общеобязательных законов.

Таким образом, в контексте этатистского («государствоцентристского») подхода к праву и соответствующего ему легистско-позитивистского (императивистского) типа правопонимания право приобретает не эмансипирующий (освобождающий), а запретительный характер. Оно «отрывается» от свободы и сопрягается с принуждением, но одновременно утрачивает свою сущность и специфику (неотделимые от понятия свободы) и превращается в свою противоположность — в произвол. А это значит, что логика такого подхода с неизбежностью приводит к правовому нигилизму, к отрицанию права, как в теории, так и на практике.

Итак, в данном ценностно-смысловом поле субстанцией права и основной причиной его возникновения выступает государство, а не человек, которому «отказано» в обладании изначальной свободой. И если человек (и в целом этнос) соглашается с такой оценкой своей природы и сущности, сам себя не рассматривает как субстанцию права и основную причину его возникновения, то он и не становится таковой по существу. Право в его истинном смысле (как реализованная изначальная свобода) в этом случае так и не возникает, за него выдается оформленный в законе государственный произвол. Оно существует лишь как возможность и не переводится в действительность — этнос не приходит к правовой форме организации своей жизни, к форме правового государства.

Все это указывает на важность этно-антропологического аспекта бытия права. Этносы, образующие западный (правопорождающий) и западный («индифферентный» к праву) типы цивилизации, соответственно также можно разделить на два типа — «правоцентристские» (социальная жизнь которых орга-

низуется вокруг идеи верховенства права и с необходимостью приводит к возникновению правового государства) и «неправоцентристские» (социальная жизнь которых организуется вокруг другой идеи, например, идеи государства как самодовлеющей политической силы, не нуждающейся в правовой легитимации и поэтому не приводит к возникновению правового государства).

Следовательно, этносы второго типа, если они действительно хотят изменить сложившуюся ситуацию, должны переосмыслить способ своего социального бытия, «антропологическую составляющую» своего мировоззрения, внимательно разобраться в механизме своего правосознания и устранить все ментальные «неполадки» в его работе.

А это значит, что данные этносы должны переосмыслить, изменить и своё отношение к западной ментальности. Они должны осознать, что именно она (в силу своей «антропоцентричности») является ментальностью правовой, правопорождающей и что поэтому продвижение к праву невозможно без её усвоения. Речь при этом идёт не о некритичном заимствовании и, тем более, не о слепом копировании всего «комплекта» западных ценностей, идей и представлений, а лишь о творческом усвоении тех из них, которые составляют антропоцентристский (правовой) «блок» западного умст-

венного строя, о тех, следование которым в «формате» ментальности с необходимостью приводит к возникновению и устойчивому, стабильному функционированию права в «формате» социальной реальности.

Таким образом, поскольку право продуцируется западным социумом, западной ментальностью, проблема правового или неправового способов социального бытия человечества, правового или неправового путей развития цивилизаций выступает и как проблема восприятия незападной ветвью человечества, западными цивилизациями западной ментальности. От того или иного решения этой проблемы и будет зависеть дальнейшая судьба незападных («индифферентных» к праву) этносов. Здесь возможны два основных варианта её решения. В первом из них данные этносы ничего не меняют в структуре своей ментальности, в своём отношении к человеку и сохраняют свою незападную, но одновременно и неправовую самобытность (свою принадлежность к западному, неправовому типу цивилизации), во втором — совершают ментальный «поворот к человеку» и, не теряя национальной идентичности, выстраивают свой способ социального бытия как правовой, выверяют свой путь по координатам права, обретают правовые перспективы развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Категория неправа введена Гегелем в его «Философии права» для обозначения того, что противоположно праву. Под неправом он понимает совокупность волевых и социальных (поведенческих) актов, которые либо выдают себя за право (представляют собой «видимость» права), либо прямо и открыто отрицают его (См.: *Гегель Г. В. Ф.* Философия права. М., 1990. С. 99, 114, 122, 136–153, 171, 265, 271, 355). В контексте гегелевских рассуждений право и неправо выступают как антонимы, как члены единой бинарной оппозиции, продолжают проблемно-смысловой ряд таких противоположных понятий, как добро и зло, истина и ложь и т. д. (См.: *Бачинин В. А.* Философия права: Краткий словарь. СПб., 2000. С. 196–197). В развитие взглядов Гегеля на данную проблематику, на наш взгляд, необходимо подчеркнуть, что под неправом следует понимать вовсе не все то, что не является правом, а лишь то, и именно то, что противоречит ему, выступает как антипод права. В этом плане к неправу нельзя относить «смежные» с правом сферы социального регулирования, такие, например, как мораль, поскольку между ними существуют отношения

не отрицания, а взаимодополнительности. Неправо же — это всегда то, что выступает именно в своем отрицательном отношении к праву. Оно разворачивается в той же сфере, что и право, — в сфере юридического сознания и поведения, но проявляет себя по отношению к праву как бы с точностью наоборот. Если право — это воплощенная в социуме свобода индивида, форма бытия свободы в обществе, то неправо соответственно — воплощенный произвол, форма несвободы личности, закрепленная в социальных институтах и юридических нормах. Если право — это совокупность юридических норм и институтов, в которых реализована естественная, изначальная свобода индивида, то неправо — совокупность юридических норм и институтов, в которых реализован государственный произвол, которые не допускают свободу индивида. Таким образом, юридическая сфера не тождественна правовой: она может включать как правовое, так и неправовое содержание. А это значит, что в ее рамках человек неизбежно попадает в ситуацию выбора между правом и неправом,

² См.: *Валентей С. Д.* Развитие общества в теории социальных альтернатив / С. Д. Валентей, Л. И. Нестеров. М., 2003. С. 54–84; *Васильев Л. С.* История Востока: Учеб. по спец. «История»: В 2 т. М., 1993. Т. 1. С. 13–46; *Дилигенский Г. Г.* Демократия на рубеже тысячелетий // Политические институты на рубеже тысячелетий. Дубна, 2001. С. 27–44; *Кондаков И. В.* Запад и Восток // Культурология. XX век: Энциклопедия: В 2 т. СПб., 1998. Т. 1. С. 211–214; *Лапкин В. В.* Универсальная цивилизация: болезнь роста и ее симптомы // Политические институты на рубеже тысячелетий. Дубна, 2001. С. 12–26; *Оболонский А.* Почему Россия не стала Западом? // Дружба народов. 1992. № 10. С. 71–74; *Поляков А. В.* Общая теория права: Курс лекций. СПб., 2001. С. 8–19; Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия: Учеб. пособие для студентов вузов / Сост., ред. и вступ. ст. Б. С. Ерасов. М., 1999; *Уткин А. И.* Запад и Россия. М., 2000. С. 521–558; *Уткин А. И.* Вызов Запада и ответ России. М., 2003. С. 34–44, 603–606; *Федотова В. Г.* Свободный выбор и принуждение к свободе // Социальные реформы в России: история, современное состояние и перспективы. Сер.: Россия накануне XXI века. Вып. 4. СПб., 1995. С. 15–28; *Федотова В. Г.* Глобальный мир и модернизация // Философские науки. 2000. № 1. С. 5–36.

³ См.: *Аристотель.* Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. Минск, 1998. С. 411–420, 422, 531.

⁴ См.: *Нерсесянц В. С.* Философия права: Учебник для вузов. М., 1997. С. 40–43.

⁵ О ментальности западного и восточного типов см. подробнее: *Бачинин В. А.* Философия права: Краткий словарь / В. А. Бачинин, В. П. Сальников. СПб., 2000. С. 175–177.

⁶ См.: *Кант И.* Критика чистого разума. Минск, 1998. С. 488–492, 562–584; *Кант И.* Критика практического разума // Соч.: В 6 т. М., 1965. Т. 4. Ч. 1. С. 313–333, 344; *Кант И.* Основы метафизики нравственности // Там же. С. 289–292.

⁷ См.: *Клюев Е. В.* Речевая коммуникация: Учеб. пособие для университетов и институтов. М., 1998; *Петрушенко Л. А.* Принцип обратной связи. (Некоторые философские и методологические проблемы управления). М., 1967; *Петрушенко Л. А.* Единство системности, организованности и самодвижения. (О влиянии философии на формирование понятий теории систем). М., 1975.

⁸ Термины «Незапад» («не-Запад») и «незападный» (иногда в значении «незападный» употребляется термин «неевропейский») в последнее время заняли довольно прочные позиции в научной литературе. См. о них подробнее: *Валентей С. Д.* Указ. соч.; *Васильев Л. С.* Указ. соч.; *Дилигенский Г. Г.* Указ. соч.; *Лапкин В. В.* Указ. соч.; *Уткин А. И.* Указ. соч.; *Федотова В. Г.* Указ. соч.